

Е. А. Михеичева

Орловский государственный университет

Мотив террора в творчестве Леонида Андреева

Міхєїчєва О. А. Мотив терору у творчості Леонїда Андрєєва. У статті розглянуто оповідання Л. Андрєєва («Марсельєза», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Так было», «Иван Иванович», «Тьма») та його статтю «Пам'яті Володимира Мазурїна», у яких ставилася проблема революції та терору як її атрибута. Показано різні ракурси й художні способи осмислення цієї проблеми письменником протягом його творчого шляху. Схарактеризовано підсумкові судження Л. Андрєєва про революцію і терор, уміщені в пізньому щоденнику письменника (1914–1919).

Ключові слова: *Леонїд Андрєєв, терор, революція, художня творчість, мотив.*

Михеичева Е. А. Мотив террора в творчестве Леонида Андреева. В статье рассмотрены рассказы Л. Андреева («Марсельеза», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Так было», «Иван Иванович», «Тьма») и его статья «Памяти Владимира Мазурин», в которых ставилась проблема революции и террора как ее атрибута. Показаны различные ракурсы и художественные способы осмысления этой проблемы писателем на протяжении его творческого пути. Охарактеризованы итоговые суждения Л. Андреева о революции и терроре, запечатленные в позднем дневнике писателя (1914–1919).

Ключевые слова: *Леонид Андреев, террор, революция, художественное творчество, мотив.*

Mikheicheva Y. A. The motif of terror in Leonid Andreev's works. The article deals with L. Andreev's stories ('Marsel'ezha', 'Iz rasskaza, kotoryi nikogda ne budet okonchen', 'Tak bylo', 'Ivan Ivanovich', 'T'ma') and his article 'In memoriam of Vladimir Mazurin' presenting the problem of revolution and terror as its attribute, shows different approaches and literary considerations of the writer in relation to the problem through his literary way, characterizes L. Andreev's final judgments on the revolution and terror from his late diary (1914–1919).

Keywords: *Leonid Andreev, terror, revolution, literary works, motif.*

Русская общественная мысль, как известно, развивалась при доминировании художественной литературы. Подобная «доминанция» заявила о себе и в художественном воплощении таких явлений, как революция и одного из ее составляющих — террора [6]. Волна терроризма, обрушившаяся на современный мир, заставляет внимательнее присмотреться к его истокам, глубже исследовать его причины. Технический прогресс изменил формы и способы террора, обострившиеся политические, религиозные разногласия расширили его задачи и возможности. И все же уроки прошлого могут многому научить нас сегодня.

Анна Гейфман в книге «Революционный террор в России. 1894–1917» показала, что террор являлся неизбежным атрибутом рассматриваемого революционного периода [6]. Автор книги приводит убедительные факты и цифры. По ее расчетам, жертвами террора в 1901–1911 годах стали около 17 тысяч человек. При этом терроризм носил чаще всего индивидуальный характер — террористы

действовали исходя из собственных соображений, а не по указанию какой-либо партии.

1902 год — год образования партии социалистов-революционеров. Партия «Народная воля» стала известна благодаря коллективной подготовке и проведению террористических актов. 2 апреля 1902 года С. В. Балмашев смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина, положив начало эсеровскому террору. После Сипягина жертвами террора стали харьковский и уфимский губернаторы Оболенский и Богданович, в 1904 году в Петербурге был убит премьер-министр В. К. Плеве. В 1905 было зафиксировано 59, в 1906 — 93, 1907 — 81 покушение на чиновников разного ранга: от приставов и городских — до министров и членов царской фамилии [6].

Союз социалистов-революционеров-максималистов, в состав которого входил Владимир Мазурин, провозгласил террор основным средством борьбы. Именно «максималистами» были совершены самые кровавые террористические акты: взрыв дачи П. А. Столыпина (1906), ограбления («экспроприации») казна-

чейства в Петербурге, Московского общества взаимного кредита. В 1906–1907 годах максималистами было совершено более 50 террористических актов.

Владимир Мазурин, бывший студент Московского университета, участвовал в «дерзких экспроприациях», среди которых — расстрел двух агентов охранного отделения. В августе 1906 году он был схвачен и 1 сентября казнен по приговору военно-полевого суда. Леонид Андреев в это время находился в Германии. Весть о казни человека, которого писатель, отсидевший в Таганской тюрьме около месяца в феврале 1905 года, знал и отличал среди политических заключенных, не могла оставить Андреева равнодушным. В очерке «Памяти Владимира Мазурина» (1905) писатель нарисовал портрет мужественного, стойкого, благородного, яркого в общении с людьми человека, не принадлежащего «к числу покорных». Андреев предсказывает «славную память» Мазурину и скорбит о будущем страны, которая теряет таких сыновей: «Бедная Россия! Осиротелая мать! Отнимают от тебя лучших детей, в ключья рвут твоё сердце. Кровавым восходит солнце тяжкой свободы — но оно взойдет!» [2:VI:491].

Тревожное и радостное предчувствие надвигающихся революционных событий нашло отражение в рассказе Андреева «Марсельеза» (1905), жанр которого современники определяли и как «стихотворение в прозе» [7:63]. Безымянного героя рассказа товарищи по борьбе называют «ничтожеством» с «душой зайца и бесстыдной терпеливостью рабочего скота» [2:II:148]. Степень ничтожности обывателя, а затем величия приобщившегося к революционной борьбе человека помогает понять экспрессионистский стиль рассказа: множество метафор, гиперболы, натуралистическая деталь, например: слезы «маленькой свиньи» текли «из глаз, из носа, изо рта» [2:II:148]. Обыватель в прежней жизни, он всего боялся — и «начальников» и «товарищей», но, преодолев страх, стал голодать вместе с товарищами по борьбе. Умирая, он просил петь над ним Марсельезу: пели «великую песню свободы, и грозно вторил нам океан и на хребтах валов своих нес в милую Францию и бледный ужас, и кроваво-красную надежду» [2:II:150].

Мысль о духовном перерождении человека, идущего в революцию, выходит на первый план в произведении 1907 года — «Из рассказа, который никогда не будет окончен». В этом рассказе много символов, с по-

мощью которых открывается обновляющий характер революции: «Была весна, был май, и в открытое окно ворвался такой воздух, какого никогда еще не было в старом огромном городе» [2:II:310]. «Сейчас ночь, а мне кажется, что сияет солнце», — передает свои ощущения от происходящего герой рассказа. Свеча, которая среди ночи горит «ярко, как солнце» [2:II:310], так же, как и весна, подтверждает величие происходящего: «Оно пришло!». Всеобъемлющий характер событий передает отсутствие собственных имен, обилие неопределенных местоимений: «Я, жена, кто-то двигался. Что-то строили они». Люди, еще вчера жившие только семейными радостями, готовы отказаться от всего. Он уходит в революцию с «огромным, радостным, всенаполняющим чувством» [2:II:314], жена благословляет его, и даже маленький сын понимает и принимает поступок отца.

По-иному расставлены акценты в рассказе «Так было» (1905), имевшем подзаголовок — «Из истории французской революции». Как справедливо отмечали еще современники Андреева, содержание рассказа было продиктовано близостью социального взрыва в России, и поэтому в нем отражен «синтез революции». Андреев понимает, что светлый порыв героев-одиночек — это не вся революция. Его интересуют и темные, стихийные влечения масс.

В «Так было» Андреев создает обобщенный образ революции как бунта с ее темными и светлыми сторонами, Часы — повторяющийся у Андреева образ («Рассказ о семи повешенных», «Мысль») — символ времени, меняющегося и постоянного одновременно, неумолимой судьбы, предупреждающей человечество: «Так было — так будет!». Лейтмотив рассказа «проговаривают» именно часы — «образный и таинственный звук маятника». Революция — «столь же таинственное восстание миллионов, как таинственна была власть одного» [2:II:154] (короля, Двадцатого). Иллюзия могущества и власти, стихийность народных движений, незрелость народной психологии, готовность служить новому тирану, легкий переход от любви — к ненависти, трагические последствия свершившегося — приметы катастрофических эпох, которые Андреев сумел увидеть в современной России.

Передать атмосферу времени помогает стилистика рассказа: рубленые, короткие фразы, обилие односоставных, неполных предложений передают напряженность мо-

мента: «Нет. Бормочет что-то — глупец, трагически-серьезный... Били барабаны. Сердце замирало... Казнят... Тихо... Наконец-то... Дрались, душили, падали и визжали... Задавленный. Еще и еще» [2:II:170–172]. Столь же отрывисты и кратки диалоги безымянных участников кровавой бойни. Кольцевая композиция, как и движение времени по кругу, помогают понять неизбежную «возвратность» происходящего: в начале рассказа — одноглазый часовщик на башне, и в конце тот же часовщик, но только теперь он поет: он доволен, что его предсказания сбылись: «Так было! — Так будет!» [2:II:174].

В рассказе «Иван Иванович» (1908) Андреев ставит перед собой задачу изобразить революцию «с точки зрения околоточного надзирателя» [2:III:629]. Рассказ назван именем главного героя, того самого «околоточного», истово верящего в нерушимость государственной системы, которой он служит. Встреча с дружинниками изменила его представление о неизбежности установленных порядков. Андреев убедительно описывает страх околоточного, когда перед ним возникла угроза смерти в лице «сурового» дружинника Петрова, убежденного в том, что «всех их стоит» (таких, как Иван Иванович, врагов революции) беспощадно уничтожить. Ивана Ивановича ничуть не заботит кровавый размах происходящих событий, но возможность собственной смерти вызывает панический ужас: рот Ивана Ивановича «чему-то смеялся, а побелевшие глаза вылезли из-под лба и дико тарасились», «страх не покидал его и маленькой мышкой бегал по телу, а минутами воздух точно застревал в груди и земля уходила из-под ног» [2:III:9].

Другой дружинник, Василий, «молодой, краснощекий, сияющий», «тихо сияющие» глаза которого «глядели широко, с радостью и удивлением», спас околоточного от неминуемой расправы. Представления Василия о революции были настолько радостны и светлы, что он не сомневался: ими должны наполниться все души и сердца. Любой должен принять святую правду революции. Поэтому он видит в околоточном, пока еще «невежественном, темном», будущего союзника, который «когда-нибудь поймет...» [2:III:10]. Но превратить в строителя баррикад околоточного, которого больше волновала судьба нового пальто, чем судьба революции, невозможно. Как только ситуация меняется и отряд драгун разгоняет дружинников, околоточный, трепеща «от бурного ликования, от ненависти, от злобы», [2:III:15] предает

того, кто спас ему жизнь. Для юноши, который ждал от революции света, добра и правды, «сразу все кончалось. Сразу обрывалась жизнь, которая еще сегодня цвела так пышно, так радостно, так полно» [2:III:15]. В этом поединке идей правым оказался беспощадный Петров, утверждавший неизбежность террора.

С идеей насильственного внедрения в жизнь новой правды расстаются и герои других произведений Андреева. Героя рассказа «Тьма», «бомбиста» Алексея, Горький назвал человеком «душевно неуклюжим, книжным», который ответил «на движение сердца» новой знакомой, проститутки Любы, «проповедью морали» [2:II:535]. На наш взгляд, это упрощенное толкование происходящего и тех душевных переживаний, которые испытывают герой и героиня рассказа. Герой «Тьмы» — «известный террорист, бомбометатель», «...человек, вся недолгая жизнь которого была похожа на огромную, опасную, страшную азартную игру», а «ставкой в игре была сама жизнь, своя и чужая» [2:II:265] (в том числе и жизнь Любы). Происходит столкновение «игры» с реальной жизнью. Андреев не раскрывает суть того ответственного задания, которое должен выполнить Алексей: он говорит о подготовке «крупного террористического акта» и о том, что ему предоставлена «честь бросить последнюю решительную бомбу». Террорист холодно и расчетливо планирует возможные варианты общения с женщиной, с которой он встретился в публичном доме, но его расчеты разбиваются житейской логикой Любы. Реальная жизнь — не игра, в которой он участвовал до сих пор, — представляется Алексею «грязноватым хаосом» [2:II:266], и он вынужден в нем какое-то время существовать.

Люба ощущает его инородность: «Вы не писатель?», «Ты не немец?» — спрашивает она. Той безобразной сценой, когда она плюнула Алексею в лицо, а он наставил на нее револьвер, красивая, полная романтики и опасности игра закончилась, и наружу «вылезал своей мятой рожей дикий, пьяный, истерический хаос» [2:II:278]. Люба опровергает его представление о себе самом: хороший, чистый, честный... «Какое же ты имеешь право быть хорошим, когда я — плохая?» [2:II:287], — спрашивает она. Обитательница публичного дома опережает его в понимании правды и потому предрекает: «Останешься!», «Попрятался за людей, и будет» [2:II:291]. В столкновении двух правд жизни побеждает

правда Любы. Алексей признается: «Я не хочу быть хорошим!».

Когда приходит полиция, хаос сменяется «мерзостью». Пристав презирает того, кого еще вчера он ненавидел и боялся, и это презрение — еще одна «правда» — правда обывателя: вчерашний террорист без сопротивления отдал браунинг полицейским, сидит в публичном доме, на постели проститутки, в нижнем белье, у него грязные волосатые ноги... — кого же ненавидеть и кого бояться?

Как отмечают составители новейшего Полного собрания сочинений Андреева в 23 томах, стержневая идея «Рассказа о семи повешенных» (1907) была сформулирована писателем уже в ЧА1 (черновой автограф 1) и перешла в окончательный вариант: «Святотатственную рукою была отдернута завеса, сызвека скрывающая тайну жизни и тайну смерти, и они перестали быть тайной, — но не сделались они и понятными, как истина, начертанная на неведомом языке» [1:586]. Святотатственное нарушение тайны жизни и тайны смерти допускают все, кто берет на себя грех убийства. И не имеет значения, какие цели и задачи ставит перед собой нарушитель нравственного закона: исполняет служебный долг, как Петр Ильич («Губернатор»), выносит приговор насильнику, убийце, несостоявшемуся террористу, как выносят его судьбы в «Рассказе о семи повешенных», или видит в предстоящем покушении доказательство собственной исключительности (Алексей из рассказа «Тьма»).

Отношение Андреева к революции и террору, как одному из неизбежных атрибутов революции, не было однозначным. Оно менялось в зависимости от событий, влиявших на мировоззрение писателя. Сначала желание хоть как-то поучаствовать в великом историческом действе («Ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции!»), а результат — обыск в квартире, которую Андреев предоставил для «съезда главных деятелей Российской социал-демократической рабочей партии» [5], арест и Таганская тюрьма, затем все более ясное осознание собственной чуж-

дости происходящему в России. Внезапная смерть Александры Михайловны, жены писателя, еще более усугубила мрачный настрой Андреева, что отразилось на его восприятии революции, которая предстала уже не светлой и благородной, а стихийным и кровавым бунтом.

Андреев погружает в ситуацию революционного террора выходцев из разных сословий: представителей разных ветвей власти (губернатор из одноименного рассказа, министр из «Рассказа о семи повешенных», околоточный надзиратель из рассказа «Иван Иванович», пристав из рассказа «Тьма»), фанатиков революции, готовых жизнь свою отдать ради идеи свободы («Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Памяти Владимира Мазурина»), обывателей, возведенных революцией в ранг борцов за свободу («Марсельеза»), романтиков, мечтающих сделать из врагов революции ее союзников и жизнью расплачивающихся за свои заблуждения («Иван Иванович»), жестких теоретиков террора, на практике вынужденных отказаться от своих теорий (Вернер из «Рассказа о семи повешенных», Алексей из «Тьмы»). Писатель создает ужасающий своими масштабами и трагическим последствием обобщенный образ коллективного террора («Так было»).

Судя по всему, Андреева интересуют не столько индивидуальные носители той или иной идеи, сколько сама идея, которая при всей кажущейся разнонаправленности и неопределенности, по сути, является единой и цельной. «Революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война» [3:37], — с горечью должен констатировать Андреев в своем позднем «Дневнике». Оценивая же себя прежнего, эпохи 1905–1907 годов, писатель был вынужден признать: «Воспевая революцию и революционеров, я был подобен человеку, который восторгается бурей, сидя на берегу, — теперь я в самом море, среди волн и гибели, и хочу сохранить если не жизнь, то голову и свое свободное отношение к урагану» [3:33].

Литература

1. Андреев Л. Н. Полн. собр. соч. и писем. В 23 т. Т.6. / Л. Н. Андреев. — М. : Наука, 2013.
2. Андреев Л. Н. Собр. соч. В 6 т. / Л. Н. Андреев. — М. : Худож. лит., 1990–1996.
3. Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. — М., СПб. : Atheneum; Феникс, 1994. — 598 с.
4. Бакаев А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX начала XX века : дис. ... д-ра истор. наук : 07. 00. 09 / Бакаев Анатолий Александрович. — М., 2005. — 387 с.

5. ГАРФ. Ф.102-00. Опись 233, год 1905. Ед. хр.5, Ч. 2, Л. 16–20.

6. Гейфман А. Революционный террор в России : 1894–1917 [Электронный ресурс] / А. Гейфман. — Режим доступа : sau-m.org/ia/blog/anarhisty-guot_besmotiviki_guot_anna_gejfmam.../2012-09-02-100.

7. Львов-Рогачевский В. Л. Две правды. Книга о Леониде Андрееве / В. Л. Львов-Рогачевский. — СПб. : Прометей, 1914. — 232 с.